

Было то давно, в глухой лесной деревушке, ныне позабытой да былъём поросшей.

Деревушка маленькая совсем была, жили мы замкнуто, чужаков, конечно, не гнали, но бабы косо на них глядели, да мужики сурово, исподлобья. Девочек всё берегли от знакомств ненужных.

А девки-то! Девки-то все какие были! Все — красавицы: кожа белая, щёки румяные, косы заплетали ниже поясницы.

И была среди них главная красавица — Марфа.

Вот вокруг неё-то и вились все, кто помоложе, — что девки, что парни; дети любили её, всё приходили рассказы да песни Марфины слушать. А Марфа и рада!

Сирота она была. Мамка при родах ещё отошла, батька в лесу сгинул, растила её бабка. Да говаривали, что ведьмачка она. Правда, помогать она старалась всем, уж больно добрая была: где скотинку подлечит, где мазь целебную из травочек пожалует, да повитуха одна на всё село.

Да вот токмо недавно в мир иной отправилась. Но внучку свою ненаглядную, Марфушку, знахарству обучить успела.

А та молодая, ветер в кровле ещё не отгулял. Давай она с подружками своими чудить по ночам, шалости невинные устраивать.

То соседу-пьянчуге леший около дома на гармони играет, то бабе какой сварливой в печи морда красная язык кажет, то мужичкам рука мохнатая кулаком из колодца грозит да под гиканье подленькое исчезает обратно.

Но больше всего девки любили так шалить: проберутся ночью, бывало, в сарай, где скотинка ночует, воткнут топорик в дверь закрытую, пару слов шепнёт Марфа — и течёт с топорика молоко парное в кринку. А девки радуются, смеются да в ладоши хлопают. А хозяйка утром зайдёт да видит: полная кринка молока скисшего стоит — ночи-то летом душные, а у коровы пусто в вымени.

Вот так вот Марфа и чудила с девушками.

Бабы, бывало, начнут на неё ворчать, да что против ведуньи-то сделаешь? Списывали всё на молодость: мол, молодая — дурна, подрастёт — поумнеет.

Так вот и жили, да токмо пришёл из соседнего села, что за лесом, паренёк жену себе искать.

Остановился у лесничего нашего, Макарыча старого. Да приглянулась ему Марфушка-красавица, решил он к ней свататься, а она и согласилась, хоть и с тяжёлым сердцем — не хотелось ей из села-то нашего уходить.

Ох и обрадовался тогда Захар — жоних ейный. Отправился домой к свадьбе готовиться, да словно в воду канул...

Почуяла Марфа тогда, видать, неладное что-то, всё ходила не своя.

Было у нас в лесу за селом озеро небольшое, всё чаще там Марфу невесёлую видеть стали. Тут же все шалости прекратились. Сначала люд с облегчением вздохнул, да привыкли уже к чудачествам её, даже как-то грустно сделалось.

Как-то вечером влетает Макарыч в село — глаза дикие, сам кричит: «Марфа-то! Марфа! Ведьма окаянная...» — и молчит, не может дальше вымолвить ничего, токмо рот открывает, будто рыба на берегу, да пальцем в сторону озера трясёт.

Отвели его, значит, к Ивану, тот ему самогоночки налил, и вернулся к Макарычу дар речи. А он локти на стол составил да за голову схватился и говорит: «Нет больше Марфы-то! Утопла токмо что!» Мужики ахнули, бабы запричитали, а он продолжает: «Лес сейчас обходил вокруг села да к озеру вышел. Гляжу, Марфа сидит, тоскует. Я притаился, значит, да смотрю за ней, а она над водой ручкой взмахнула, та рябью пошла, а после льдом застыла — совсем маленький клочок, но мне видно всё: жоних её, Захар, за столом сидит, а вокруг него девка молодая вьётся — красивая, чертовка! — кушать ему подаёт, улыбаются оба, глаза счастливые... Тут Марфа как взвилась, точно змея её ужалила, как ударила кулачком по воде. И в слёзы. Да приговаривает всё: „Захарушка, родненький, отчего ж ты так со мной-то?! Чем я плоха была?!“ Я не успел моргнуть толком, а Марфы уж нет на бережку — круги на воде есть, а Марфы нет. Я на землю оседаю да смотрю: как хвост русалий блеснёт, как воду взметнёт — токмо брызги сияют. И тихо опять всё... Как сюда добежал — не помню!»

Выговорился Макарыч да затих скорбно.

А селяне стоят, не шелохнутся, притаились. Жалко им девку-то. Молодая совсем была. Помянули её всем селом в тот же вечер, на берег кушанья отнесли да венки на воду пустили.

Через девять дней — снова переполох: тело Марфино нашлось. Сидела мокрёхонька на скамейке, в дом свой глядела. Кожа страшная — синюшная, глаза белые.

Чёрт её знает, как там оказалась. Авось сама и не поняла, что мертва, да домой к себе вернулась.

Похоронили её возле пруда.

А вскоре в селе Захар объявился. Все на него покосились недобро, а ему хоть бы хны! Улыбается себе счастливо. Извёл девку-то. Пришёл он к пустому Марфиному дому да посиживает на той самой скамейке, где Марфу нашли.

Подошёл к нему, значит, Иван да спрашивает грубо: мол, чего объявился? А тот смотрит удивлённо да отвечает: «За Марфушкой я. Обещал ведь женитьбу ей. Видел её сейчас на пруду, сказала, чтоб возле дома её ждал, что придёт скоро! Похорошела-то как! Похорошела! Красавица жена будет да умница! Я её на радостях обнял да в щёку поцеловал. Только вот кожа её больно холодна — от воды, наверно».

А Иван стоит столбом, крестится да говорит: «Марфа-то твоя — утопленница! Сам же и виноват!» Сплюнул да ушёл восвояси.

А Захар, себя не помня, к Макарычу идёт. Тот и рассказывает ему, что видел. А Захара трясёт, страшно ему. Выслушал он лесничего да отвечает: «Возвращался я к себе в село, радостный. Да в темноте, видать, вышел на разбойничью тропу. Ну, меня мигом огрели да ограбили. Еле-еле вышел на дорогу, да там и упал без чувств! Благо мужики наши ехали с охоты, меня подобрали. Выходила меня знахарка наша, а та девка, что вы видели, — дочь ейная. Ох, не нравится мне она! Уж больно недобрая!»

Утром ушёл из села Захар, оставил цветы на могилке Марфиной. Тяжело ему на душе стало, да так до дому и не дошёл — сгинул в лесу...

С тех пор разбойников там не водится, а заплутавших путников кто-то выводит на дорогу: говорят, леший объявился. Да и топнуть люди меньше стали — очухивались все на берегу.

Много уж годов прошло, озеро то в болото давно превратилось, а я всё надеюсь, что Марфа с Захаром нашли друг друга.

Чем не пара — леший и русалка?